

Стол являл собой картину форменного разгрома — немой свидетель недавнего хмельного разгула. Отослав Сюнь Ю, Цао Цао присел с краю и плеснул себе вина. Глядя на двух своих лучших советников, упившихся до полного беспамятства, он не сдержал усмешки. В памяти невольно всплыли картины далекой юности: шумные пирушки, скачки и беспечное безрассудство тех лет.

Тогда они с Юань Шао еще звались названными братьями и вместе искали приключений, наводя шорох в округе. Теперь же они — злейшие враги, сошедшиеся в смертельной схватке. Порой Цао Цао казалось, что время — жестокий ваятель: оно меняет людей незаметно, но бесповоротно. В те годы они не пеклись о судьбах Поднебесной, не гнались за славой, полагая, что жизнь так и пройдет в остротах и смехе до самой седины. И лишь оглянувшись назад, осознаешь, какой прекрасной, но несбыточной мечтой это было. Тот сон давно заперт в пыльном ларце памяти; к нему нет нужды возвращаться, разве что изредка кольнет в груди — тогда вздохнешь украдкой и продолжишь свой путь, сделав вид, что ничего не случилось. Со временем чувства притупляются, сменяясь пренебрежением. Но, может, это вовсе не презрение, а лишь неумение смотреть правде в глаза? О воспоминаниях люди судят двояко: начнешь ворошить их слишком часто — сочтут слабовольным и чувствительным, забудешь совсем — назовут бессердечным.

Цао Цао чувствовал, как его сердце клонится к закату. После гибели Цао Аня его всё чаще одолевали приступы меланхолии. Говорят, когда душа стареет, человек начинает жить прошлым — своего рода возвращение к истокам.

В трактире было шумно, но здесь, у их стола, воцарилась странная тишина. Последние лучи заходящего солнца ложились на подоконник, окрашивая всё вокруг в приглушенные, интимные тона. Сюнь Юй дремал, примостившись на самом уголке стола; он страдальчески хмурился, словно сон не приносил ему покоя. Го Цзя же, верный своей привычке пренебрегать приличиями, занял добрую половину стола и спал безмятежно и крепко.

Протянув руку, Цао Цао осторожно заправил выбившуюся прядь за ухо Сюнь Юю. В тишине раздался его едва слышный вздох — горький и зыбкий, точно туман, стелющийся над осенним полем.

Меньше чем через полчаса Сюнь Ю, ждавший снаружи, увидел, как Цао Цао один выходит из заведения.

— Господин? — в замешательстве спросил он. — А как же они?..

Остановившись рядом, Цао Цао поднял взгляд на угасающее небо, где плавилась последние краски заката.

— Пусть остаются, — тихо проговорил он. — Глядя на них, я вспоминаю себя в их годы. В наше время крупица свободы — непозволительная роскошь. — Он коснулся плеча Сюнь Ю, приглашая того в экипаж. — Поехали. Я даю им передышку. Сегодня я не стану их беспокоить.

Сюнь Ю немного помедлил, а затем понимающе улыбнулся:

— Слушаюсь.

На самом деле Го Цзя не был мертвецки пьян и вовсе не спал. Стоило Цао Цао уйти, как он открыл глаза и вполне уверенно выпрямился. Он долго всматривался в лицо спящего Сюнь Юя, на котором застыла печать неутраченной скорби, иссушившая его благородные черты. С лица Го Цзя исчезла привычная насмешливая мина. С нескрываемой нежностью он коснулся лба друга, кончиками пальцев обводя контур лица, пока солнце окончательно не утонуло в Восточном море, уступая место ночной синеве.

Зная, что Сюнь Юй хмелеет с одной чаши и проспится нескоро, Го Цзя велел подготовить комнату наверху и, подхватив его под руки, бережно перенес в покои.

Едва разомкнув веки, Сюнь Юй увидел Го Цзя, который сидел на краю постели и в одиночестве потягивал вино. С трудом приподнявшись, он придвинулся ближе и, перехватив запястье друга, приник к его кубку. Го Цзя, вздрогнув от неожиданности, не стал сопротивляться, лишь молча наблюдал за ним.

Сюнь Юй, и без того покрасневшийся, вспыхнул еще сильнее. Отпустив руку Го Цзя, он бессильно прислонился к его плечу и прошептал почти с плачем:

— Фэнсяо... Отчего ты пьешь такое ледяное вино? Мне холодно.

Го Цзя отставил кубок и обнял его.

— Разве тусу — холодное вино? — мягко возразил он. — Оно согревает лучше любого другого.

Сюнь Юй, не открывая глаз, упрямо пробормотал:

— Нет, холодное...

Го Цзя усмехнулся и прижал ладонь к его груди, прямо над сердцем.

— Это не вино холодное, Вэньжо. Это на душе у тебя стужа.

Сюнь Юй промолчал. Он долго смотрел на друга, а затем, спрятав лицо у него на груди, глухо выговорил:

— Вечно ты всё подмечаешь... Один ты всё понимаешь.

Почувствовав, как одежда на груди намокает от теплых слез, Го Цзя погладил его по мягким волосам.

— Ты жалеешь о содеянном? — негромко спросил он.

Сюнь Юй вздрогнул и качнул головой:

— Нет.

— Тогда отчего ты так убиваешься? Только потому, что господин перестал тебе доверять?

Наступила долгая пауза, прежде чем Сюнь Юй начал говорить — слова давались ему с трудом, прерываясь всхлипами:

— Всё изменилось. Господин Цао уже не тот, что прежде. Помнишь, как он говорил: «Пусть другие смотрят на север, я же обращу свой взор на запад»? Кто бы мог подумать, что пройдут жалкие два года — и от тех слов ничего не останется.

Го Цзя глубоко вздохнул и крепче прижал его к себе.

— Вэньжо, Вэньжо, к чему эти терзания? Ты ведь сам видишь: дом Хань дышит на ладан, былого величия не вернуть. Зачем ты так отчаянно пытаешься подпереть падающее небо? — Он помедлил. — Ты ведь знаешь: наш господин — герой, каких мало. В этом хаосе он неизбежно станет властелином если не всей земли, то ее доброй половины... Зачем ты мучаешь себя?

— Но тогда... тогда он был иным.

— Ты слишком упрям. Люди меняются. Как ты можешь требовать от того, кто рожден повелевать, чтобы он вечно служил призраку империи, у которой нет будущего?

Го Цзя говорил спокойно. Он давно всё для себя решил. Ему было неважно, кто взойдет на трон; он лишь не хотел, чтобы его таланты и годы сгорели в огне войны без пользы. Но он знал — Сюнь Юй другой. Они были земляками, знали друг друга с юности: один едва достиг совершеннолетия, другому исполнилось двадцать. Они всегда понимали друг друга с полуслова. Го Цзя знал: для Сюнь Юя, выходца из знатного рода, спасение династии Хань — дело всей жизни, священный долг.

Теперь же это стало несбыточной мечтой. И Сюнь Юй, вероятно, понимал это лучше других, иначе не стал бы так преданно служить честолюбивому Цао Цао.

Просто старые обеты не умирают так просто.

Сюнь Юй отстранился и, захлебываясь слезами, воскликнул:

— Я не могу... Я не могу просто смотреть, как рушится империя! Поэтому я не способен служить господину всей душой, без остатка. Но в то же время я знаю: если мы хотим великих свершений для него, мы обязаны помогать... Я не могу предать Хань и не могу подвести господина Цао...

Слова перешли в рыдания. Сюнь Юй уткнулся в плечо Го Цзя, окончательно забыв о своей привычной сдержанности. Глядя на него, Го Цзя думал: какую же бездну боли должен скрывать в себе этот вечно невозмутимый человек, чтобы сегодня плакать так безутешно и горько?

<http://bllate.org/book/17368/1695151>